

УДК 17:3:[177+34.01]

**КОМПЛЕМЕНТАРНОСТЬ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
И ВНЕИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО МОРАЛЬНОГО САМОРЕГУЛИРОВАНИЯ**

*канд. филос. наук А.С. КОМАРОВСКАЯ
(Белорусский государственный университет, Минск)*

Вопрос о пересечении морального и правового пространства остается, пожалуй, наиболее значимым как для области этико-философского знания, так и для юриспруденции. Решение данного вопроса есть обоснование эффективности существующего процесса правового закрепления моральных идеалов и нравственного толкования норм права, позволяющего избежать диссонанса в построении современных общественных отношений.

Ключевые слова: право, мораль, общество, нормативная система общества, социальные регуляторы, общечеловеческие ценности.

Взаимоотношение права и морали – одна из классических тем мировой философско-правовой мысли. Занимая важное место в системе общественного мировоззрения, данная тема требует рассмотрения на каждом историческом этапе развития человечества. Особый интерес представляет конструирующий культурно-исторический срез, в информационном коде которого проектируется новый образ нормативного стандарта. Так, современное белорусское общество, как динамически развивающаяся система, фиксирует в своих основах переходное состояние морали, интегрирующейся в сферу правоориентированного общества.

Целью данной работы является детальный анализ и теоретическое осмысление проблемы интеграции правовых и моральных нормативных систем, которые вкуче становятся необходимым условием в процессе совершенствования механизмов регулирования социальных основ. Реализация цели достигается выполнением задач, связанных с фиксацией нового смыслового наполнения категорий права и морали, возникающих в условиях структурной модернизации белорусского общества, и определением роли феноменов морали и права в актуальной действительности белорусского социума.

Современное этическое знание выстраивает теоретические схемы рефлексии в отношении реальных процессов объективной социальной действительности. Многие требования морали закреплены нормами права, однако механизм их реализации остается неэффективным, поскольку общественное сознание как структурный каркас сектора права основывается на прежних идеологических установках, таких, например, как традиционная попытка поиска обоснования принципов морального поведения в религиозных догматах. «Вопрос о том, как индивид в рамках персонально ответственного поведения может придать своей жизни наилучший, совершенный вид, трансформируется в вопрос о том, что он должен делать для того, чтобы придать наилучший, совершенный вид своим отношениям с другими людьми. Наиболее общее решение, выработанное в реальном опыте нравственных поисков, осмысленное и обоснованное философией, санкционированное религией, состоит в том, что отношения между людьми являются морально релевантными тогда, когда они носят гуманный, человекоутверждающий характер, закреплены в золотом правиле нравственности, других признаваемых безусловными для человека нормативных требованиях, прежде всего таких запретах, как “не убий” и “не лги”» [3, с. 38].

Сегодня с учетом высоких темпов экономических, политических, духовных преобразований в Республике Беларусь матрица интерпретации дозволенности-недозволенности форм межличностных взаимодействий смещается в сторону абсолютного приоритета правового контекста понимания. Очевидным становится знание о взаимодополняющем характере явлений права и морали, от эффективного взаимодействия которых в значительной мере зависит уровень правопорядка, правосознания, правовой культуры и нравственности общества в условиях существования парадигмальной ориентации на сохранение пространства культурного наследия нации.

Современное общество постоянно сталкивается с ситуациями, в которых явным становится различие права и морали. Существование таких прецедентов порождает ряд исследовательских вопросов в отношении оценки подобных несовпадений и, главное, в поиске корректного пути по избеганию прямой конфронтации между правом и моралью, что чревато нигилистским отказом от всей нормативно-ценностной системы. «Сколь бы ни был далек путь от формулирования нравственного требования до формирования условий его практического осуществления, от постановки человеческой проблемы до ее реального решения, само это противостояние долженствования и действительности указывает путь прогрессивного движения истории, такого ее движения, которое является самоутверждением человека. Иногда при этом предугадываются и некоторые черты будущего» [5, с. 97].

Принятие факта наличия противоречий между нормативными структурами права и морали отражено в теоретических основах научного анализа проблемы взаимодействия феноменов морали и права. Современное научное знание имеет дело с развитыми, многоуровневыми и многофункциональными системами морали и права, максимальное сближение функциональной данности которых способствует стабилизации представлений человека о его месте и роли в социальном пространстве. Например, первичным результатом формирования однонаправленного морально-правового среза является буквальное отождествление статусов понятий «порядочный человек» и «ответственный гражданин».

На объективном уровне процесс диалогового соотношения нормативных аспектов права и морали раскрывается наличием гибкой, адаптивной к изменениям общества природы рассматриваемых культурообразований. Трансформации общества инициируют движение норм права и норм морали, отображая нестатичность сходств и различий формальных признаков морали и права.

Вопрос о сопоставимости норм права и морали решается учеными, как правило, с позиции двух противоположных точек зрения:

- моральности права (И. Кант, Г.В. Ф. Гегель, К. Маркс, Ф. Энгельс, В.С. Соловьев и др.);
- противопоставления правовых и моральных установок (Дж. Остин, Г. Харт, Г. Кельзин и др.).

В рамках первого варианта решения проблемы наличия в праве морально-нравственных основ обосновывается неразрывная связь морали и права. Магистральная роль по разработке и раскрытию обозначенной проблемы принадлежит адептам немецкой классической философии, в частности, И. Канту.

Правовая теория И. Канта тесно связана с этикой, поскольку практический разум человека выступает единым источником для права и морали, которые реализуются для достижения тождественной цели – утверждения всеобщей свободы. Различие между ними усматривается в способах принуждения: мораль основана на внутренних побуждениях человека, базирующихся на долге, право же использует для обеспечения возможности аналогичных поступков внешнее принуждение со стороны других индивидов и государства. «В учении о моральности (или неморальности) речь идет о намерениях. Напротив, в учении о праве речь может идти не о намерениях, а только о поступках. Юридический закон не касается содержания поступков и независимо от мотивов поведения определяет лишь внешние действия» [1, с. 307].

Рассматривая отношение права и морали, И. Кант фиксирует законы права в качестве первой ступени нравственности. При условии сообразности права и морали в обществе устанавливаются четко очерченные рамки дозволенного поведения, при этом волеизъявление одного лица не противоречит свободе других. Таким образом, право формирует внешние благоприятные условия для реализации цивилизованных отношений между людьми, однако стоит отметить, что, согласно И. Канту, отношения подобного рода не являются полностью нравственными, т.к. имеют обязывающие для субъектов, вступающих в них, основания. Этические законы по своим сущностным характеристикам шире правового законодательства.

Более того, И. Кант выводит требование включения законодательства права в этическое законодательство, которое, как морально практический закон есть совокупное отражение категорического императива: «Поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом». В этом смысле юридический закон рассматривается как частное следствие категорического императива [1, с. 308]. Итак, учение И. Канта о морали и праве образует систему подчинения права этике, юридических законов – категорическому императиву.

Тенденция к трактовке нравственной природы права разрабатывается и во взглядах мыслителей русско-правовой традиции. Одна из наиболее ярких позиций по данному вопросу представлена в деятельности В.С. Соловьева, определявшего право как «низший предел или определенный минимум нравственности» [9, с. 448]. Особое место в понимании взаимодействия права и морали отводится принципу отношения к другим: «Поступай с другими так, как хочешь, чтобы поступали с тобою самим» [9, с. 167]. Значимость данного принципа В.С. Соловьев видел в каноничности, всеобщности и нормальности для всех. Итогом проекта стало нравственное оправдание права, которое априори не способно содержательно вобрать в себя весь смысловой контекст этического требования. При сопоставлении права и нравственности были кристаллизованы основные моменты их отличия, отражающие также и базовые черты права:

- ограниченность правовых предписаний «наименьшим нравственным содержанием»;
- право является областью «обязательно-нравственных отношений» [7, с. 373];
- право – это «осуществленное добро» [7, с. 375];
- «принудительная собирательная организация минимального добра (ибо только минимальное добро может быть принудительно организовано) образует область права» [7, с. 527].

Исходя из выделенных критериев, В.С. Соловьев дифференцировал возможность самого процесса взаимодействия права и морали, показал его в ключе субъективного и объективного аспектов. В субъективном ракурсе нормы права – «низший предел или некоторый минимум нравственности одинаково для всех обязательный», в объективном – право есть «обеспеченное осуществление в действительности определенного минимального добра» [8, с. 34].

Вместе с тем он признавал, что нравственное требование является неограниченным и всеобъемлющим, оно предполагает безусловное стремление к нравственному совершенству. Юридический закон ограничен и вместо совершенства требует минимальной степени нравственного состояния. В.С. Соловьев подчеркивает, что между нравственным и юридическим законами нет противоречия: второй предполагается первым, – хотя юридический закон и не требует высшего нравственного совершенства, но он и не отрицает его. Единство права и нравственности предполагает их различие, но не противоречие.

Реализация варианта противопоставления правовых и моральных установок осуществляется, главным образом, с позиций юридического позитивизма и неопозитивизма.

Один из адептов юридического позитивизма Дж. Остин в своем главном труде «Лекции о юриспруденции, или философия позитивного права» (1832) настаивал на возможности социального прогресса только в случае успешной взаимосвязи стабильности правительства с программой просвещения основной массы людей основам политической науки. отождествляя право с законом, мыслитель переносит область социально-политических интересов в сферу практической юриспруденции, отделяя при этом область этики, распространяющую оценочные категории, мнения, домыслы.

Юриспруденция, по мнению Дж. Остина, должна представлять собой науку, свободную от морально-оценочной составляющей и базирующуюся исключительно на основе юридических критериев и формально-догматическом методе исследования. Соглашаясь с И. Бентамом в том, что право является собой совокупность законов, принятых сувереном для регулирования поведения и, соответственно, поддержания порядка в определенном политическом сообществе, Остин вводит новое, расширенное определение самого «суверена», где последний предстает не в качестве отдельного лица, но в качестве властвующего учреждения, функции которого сводятся к изданию законов и контролю над их соблюдением. Источник права, таким образом, заключается в суверенной власти, осуществление которой возможно благодаря привычке подчиненных к повиновению.

Юридический характер принуждения приобретает в случае, если оно предполагает ответственность с дальнейшими позитивными или негативными последствиями. Правовые нормы, выполняемые всеми членами данного политического сообщества, обретают статус позитивных законов, несоблюдение которых напрямую связано с системой наказаний. «Всякое право представляет собой приказ» [6, с. 401], команду суверена, которая при любых обстоятельствах должна выполняться всеми подчиненными. Рационально сбалансированная общественно-политическая жизнь должна строиться на основе позитивных законов, правомерность которых не оценивается в категориях «хорошие-плохие», а требует соблюдения, поскольку единственно возможные условия существования позитивного права реализуются в жестких рамках: суверен – приказ – исполнение//неподчинение – наказание.

Отделив право от морали, Дж. Остин подробно анализирует все версии социальных обязанностей, претендующих на статус законов, и приходит к выводу, что все те законы, которые не были установлены самим сувереном, не могут считаться правом, они, скорее, относятся к сфере позитивной морали. «Право, в широком смысле, включает в себя богооткровенное право, позитивное право и позитивную мораль. Между позитивным правом и моралью, а также религией существует не близость и не сходство, а противоречие. И это должен учитывать всякий законодатель. Противоречие с моралью не лишает право его качественных свойств, даже если оно подвергается критике с моральных позиций или испытывает ограничительное воздействие со стороны последней» [2, с. 118]. Со временем связь права с формулой «закон порождает право» потребовала изменений, поскольку безоговорочное отнесение санкционированного приказа к уровню закона в определенных ситуациях могло использоваться и в антиправовых целях.

Сторонники юридического позитивизма, доведя до совершенства приемы толкования правовых норм, всячески сторонились социально-нравственных проблем, что, собственно, и не позволяло им выстроить общую теорию права. Без моральных и философских суждений концепции юридического позитивизма носили ситуативно-идеализированный характер и не могли претендовать на роль конструктора и аналитика моделей реального и будущего состояний политической сферы общества.

Жесткий дуализм политического и морального явился непреодолимым барьером для позитивистских теорий.

Те изменения аналитико-правовой мысли, которые произошли во второй половине XX в., безусловно, во многом были продиктованы деятельностью английского правового неопозитивиста и правоведа Г. Харта, чья теория является наиболее фундаментальной и последовательной версией современной интерпретации идей юридического позитивизма.

В основе концепции Г. Харта лежит тезис о том, что правовая система есть совокупность первичных правил, указывающих каким должно быть поведение, и вторичных – возводящих обязанности, налагаемые первичными правилами, на уровень закона. Хотя, следует отметить, что Харт никогда не настаивал на том, что этот союз является единственно верным критерием правовой системы или что правовая система должна быть описана именно в этих условиях.

Ясно одно – право может реализовать себя только в социальной среде, это, по сути, явление, которое утрачивает всякий смысл вне человеческого сообщества. «Существует два минимальных требования, которые должны быть соблюдены для того, чтобы правовая система существовала: 1) частные граждане должны всецело подчиняться установленным правилам и законам; 2) государственные должностные лица также должны придерживаться нормы признания, и рассматривать в качестве основного стандарта – официально принятые рамки поведения» [11, р. 116].

Казалось бы, правовая система получила раскрытие своего подлинного назначения, однако, Г. Харт понимал, что даже совершенные законы не могут стать гарантом защиты граждан от произвола властей: «даже самые ясные и стабильные законы могут быть направлены на осуществление самых отвратительных целей» [11, р. 353]. Поэтому весьма значительное место в теории Г. Харта отводится проблеме соотношения права и морали.

Моральные и правовые нормы могут совпадать, это объясняется возможностью совпадения моральных и юридических обязательств в определенных ситуациях. Также оба вида норм могут применяться для регулирования аналогичных аспектов поведения человека. Однако между ними существуют и различия: моральные нормы не всегда могут быть изменены в том же порядке, что и правовые. Моральные предписания не несут общеобязательных для всех наказаний или компенсаций при условии их соблюдения-несоблюдения, поэтому они могут восприниматься и соблюдаться не всеми людьми, чего нельзя сказать о правовой сфере общественного устройства.

Своеобразным ответом на дискуссионный спор о противостоянии приоритетов права или морали в обществе стала позиция этического обоснования права, представленная современным аналитическим мыслителем Рональдом Дворкиным.

Особенность теории Р. Дворкина состоит в утверждении того, что такие понятие, как свобода, равенство и личная ответственность индивида, находятся в отношении взаимодополнения. Мерилом правомерности поступка или социального действия предлагается считать его морально-правовой контекст. «Ключом к пониманию позиции Дворкина служит отвержение им двух основных постулатов раннего аналитического позитивизма в праве: 1) предпосылки о суверенной власти как достаточной основы определения права; 2) сведения всего права к системе норм-правил» [4, с. 180]. Основываясь на идее Г. Харта о важности внутренней точки зрения для понимания права, Р. Дворкин в работе «О правах все-рвез» [См.: 4] описывает право как комбинацию правил и принципов. Другими словами – это комбинация правовых норм и правовых положений.

Поскольку сфера права открыта для всеобщей дискуссии, ее положения обсуждают не только правоведы, юристы, судьи и другие профессионально занятые в этой сфере деятельности люди, но и граждане государства, являющиеся наблюдателями правового применения. Последним свойственна оценка правовых правил в категориях морали, однако это, по мнению Р. Дворкина, несколько не умаляет их общественную значимость, поскольку и правила, и принципы напрямую связаны с целью улучшения определенного типа действительности. «Принцип – это стандарт, который соблюдается не потому, что дает преимущество или защиту желаемой экономической, политической или социальной ситуации, но потому что он является требованием справедливости или честности или иного измерения морали» [4, с. 22]. Позитивное право, являясь социальным продуктом, так или иначе, имеет и моральное содержание, поэтому усилия современных теоретиков права должны быть направлены не на разделение права и морали, а на моральное обоснование права.

Норма может быть правовой нормой только потому, что она появляется в результате морального оправдания других правовых норм. Таким образом, Р. Дворкин нацелен на демонстрацию концептуальной связи права и морали. Более того, согласно работе «Империя права» [См.: 10] вопрос интерпретации права всегда является частично вопросом моральной интерпретации. Позиция Дворкина вполне ясна: он настаивает на том, что право, по сути, не должно быть абсолютным, оно должно соответствовать реальным социальным целям и способствовать их осуществлению. В современных условиях общественного развития естественно, что натуральные права становятся юридическими на основании норм Конституции.

Право влияет на общество внешними действиями, а мораль – через внутренний мир путем системы общезначимых нравственных норм. Правовые нормы могут игнорироваться общественным мнением, пока не создается нравственная основа для правоприменения данной нормы; право в свою очередь должно учитывать и содействовать процессу фундаментализации моральных норм.

В целом, отметим, что с конца 80-х годов XX в. стали наблюдаться тенденции гуманизации права, что нашло конкретное отражение в процессе юридического обоснования и закрепления демократических принципов, ориентирующих сферу права на личность. Этому во многом способствовала наработанная теория права, представленная вариативным многообразием ответов на вопросы относительно сущности, значимости права, его места, роли и значения в обществе, как и многочисленные исследования, посвященные моменту взаимоотношения права и морали.

Развитию социальных структур сопутствуют изменения в методологических основах процесса познания сущности права. В понятийное пространство права включается антропологический принцип, обобщаются новые свойства права. Происходит поступательное сближение права и морали. Сегодня статус права определяется не только юридическими, но и социально-этическими характеристиками, через которые демонстрируется опасность гражданской безответственности, нигилистских идеологий, индифферентного отношения к законности.

Специфика взаимодействия морали и права в современном белорусском обществе предполагает взаимную обусловленность данных социальных норм, пересечение их целевых установок и функционального проявления. Законодательство Республики Беларусь устанавливает приоритет личности по отношению к государству, закрепляя его формулой «человек – общество – государство».

ЛИТЕРАТУРА

1. Асмус, В.Ф. Иммануил Кант / В.Ф. Асмус. – М. : Высш. шк., 2005. – 439 с.
2. Грязин, И.Н. Аналитическая философия права: современные тенденции: аналитический обзор / И.Н. Грязин // Современная аналитическая философия : сб. обзоров. – М., 1988. – Вып. 1. – С. 110–126.
3. Гусейнов, А.А. Мораль: между индивидом и обществом (к вопросу о месте морали в современном обществе) / А.А. Гусейнов // Общественная мораль: философские, нормативно-этические и прикладные проблемы / под ред. Р.Г. Апресяна. – М. : Альфа-М, 2009. – С. 36–49.
4. Дворкин, Р. О правах всерьез / Р. Дворкин ; пер. с англ. М.Д. Лахути, Л.Б. Макеевой ; под ред. Л.Б. Макеева. – М. : РОССПЕН, 2005. – 392 с.
5. Дробницкий, О.Г. Понятие морали. Историко-критический очерк / О.Г. Дробницкий. – М. : Наука, 1974. – 388 с.
6. Остин, Дж. Определение области юриспруденции / Дж. Остин // Антология мировой правовой мысли : в 5 т. – Т. 3. – М. : Мысль, 1999. – 750 с.
7. Соловьев, В.С. Соч. в 2 т. / В.С. Соловьев / вступ. ст. В.Ф. Асмуса ; сост. и подгот. текста Н.В. Котрелева ; примеч. Н.В. Котрелева и Е.Б. Рашковского. – Т. 1. – М. : Мысль, 1989. – 529 с.
8. Соловьев, В.С. Право и нравственность / В.С. Соловьев. – Минск : Харвест, 2001. – 191 с.
9. Соловьев, В.С. Философское начало цельного знания / В.С. Соловьев. – Минск : Харвест, 1999. – 912 с.
10. Dworkin, R. Law's Empire / R. Dworkin. – London : Fontana Paperbacks, 1986. – 146 p.
11. Hart H.L.A. The Concept of Law. Second edition / Ed. by P. Cane, T. Honore, J. Stapleton. Oxford University Press; 1994

Поступила 05.04.2016

COMPLEMENTARITY OF INSTITUTIONAL LEGAL REGULATION AND EXTRA-INSTITUTIONAL MORAL SELF-REGULATION

A. KAMAROUSKAYA

Question about crossing the moral and legal space is the most significant for the field of ethical and philosophical knowledge, and for the law. Resolving this issue has evaluation of the effectiveness of existing legal consolidation of moral ideals and moral interpretation of the law, which allows avoiding the dissonance in the construction of modern public relations.

Key words: right, morals, society, standard system of society, social regulators, universal values.